

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ С КОНЦЕПТУАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ.

Преподаватель Мамадалиева Сусанна Атамовна

Кар ГУ

Слова, обозначающие в разных языках одни и те же или близкие явления действительности, часто оказываются нетождественными, заметно расходящимися по своим концептуальным значениям. Так, в русском языке мы различаем *голубей и синий*, а в некоторых других языках этим двум словам соответствует одно—англ. *blue*, фр. *bleu*, нем. *blau*. Русское слово *руки* обозначает всю верхнюю конечность человека (или обезьяны) — от плеча до копчиков пальцев; правда, у нас есть еще отдельное слово *кисть* для части руки ниже запястья, но это последнее слово применяется редко, в специальных случаях: нормально мы говорим *подать руку, пожать руку, взять за руку, мыть руки* и т. д., а не «подать кисть», «пожать кисть» и пр.[1] В некоторых же других языках значение русского *руки* «распределено» между двумя словами: одно из этих слов регулярно (а не изредка, как - русское *кисть*) используется для обозначения кисти руки - это англ. *hand*, нем. *Hand*, фр. *main*; другое - соответственно *arm. Arm, bras* — для остальной части руки и лишь в специальных случаях для руки в целом. Русское слово *пальцы* в современном языке относится и к пальцам рук, и к пальцам ног; в некоторых других языках такого общего слова нет, а существует по два слова — одно для пальца на руке (англ. *finger*, нем. *Finger*, фр. *doigt*), другое — для пальца на ноге (англ. *toe*, нем. *Zehe*, фр. *orteil*). Зато мы различаем *мыть* и *стирать* (о белье и т. п.), а немцы объединяют то и другое в одном глаголе *waschen*. [2]

Иногда расхождения между языками касаются не отдельных слов, а целых лексических микросистем. Например, в системе терминов родства в некоторых языках оказываются существенными семантические дифференциальные признаки, не играющие роли в русской системе. В частности, современному русскому слову *дядя* во многих языках соответствует по два слова: 1) лат. *patruus*, болг. *чичо*, польск. *stryj* (также и др.-русск, стрый) — для брата отца и 2) лат. *avunculus*, болг. *вуйчо*, польск. *wuj* (и др.-русск. *уй*) — для брата матери [3]. В саами (лопарском) языке для дяди по отцу (а также для тетки с материнской стороны) существенным является еще один признак — моложе или старше отца (для тетки - моложе или старше матери). Иногда, напротив, оказывается несущественным признак, казалось бы, очень важный, например признак пола. Так, в малайском языке рядом с общим обозначением *saudara* 'брат или сестра' (включающим также двоюродных братьев и сестер) нет однословных обозначений отдельно для брата и

отдельно для сестры, но зато есть особые слова, с одной стороны, для младших, с другой стороны, для старших братьев и сестер (без различия пола), а кроме того, еще разные слова для понятий 'старшие сестры' и 'старшие братья' (включая двоюродных). В венгерском языке вплоть до XIX столетия также не было слов со значением 'брат' (соврем, *fiver*) и 'сестра' (соврем, *nover*), а употреблялись только (существующие и сейчас) отдельные слова для старшего и для младшего братьев, а также для старшей и для младшей сестер. На основании такого рода различий между языками в составе словаря и в значениях слов (а также и аналогичных различий грамматического порядка) была выдвинута «гипотеза лингвистической относительности». Её сторонники -американцы Э. Сепир (1884—1939) и особенно Б. Уорф (1897—1941) — утверждают, что не только язык, но и само «видение мира» оказывается у разных народов разным, что каждый народ видит мир через призму своего языка и потому мыслит и действует иначе, чем другие народы.

Можно сказать, что слово - - м и н и м а л ь н а я единица, обладающая позиционной самостоятельностью. Части слова, например морфемы внутри многоморфемного слова, такой самостоятельностью не обладают. Они как раз связаны жесткой линейной связью: их нельзя переставлять, между ними либо вовсе нельзя вставить никаких других морфем (например, в *вы-брас-ыва-ть*, *рыб-о-лов*), либо же можно вставить лишь немногие морфемы из жестко ограниченных списков (*тепл-ая*, *тепл-оват-ая*, *тепл-еньк-ая*, *тепл-оват-ень-кая*; *погод-а*, *погод-к-а*; *да-ть*, *да-ва-ть*). Показательно в этом отношении сравнение в русском языке предлогов и приставок, в частности параллельных (*у* и *у-*, *от* и *от-* и т. д.). Предлоги легко отделяются от слова, перед которым стоят и с которым связаны по смыслу, вставкой других слов: *у стола*; *у большого стола*; *у небольшого, недавно купленного стола* и т. д. Поэтому вполне закономерно считать предлог отдельным словом (хотя он и не составляет акцентного слова, см Приставка же неотделима от корня, перед которым стоит: в *унести*, *отнести* между *у-* или *от-* и *-нести* ничего нельзя вставить. Позиционная самостоятельность характеризует все типы слов в языке, хотя и не в одинаковой степени. Следовательно, не может быть русского, английского, лопарского, малайского и т. д. мышления, а есть единое общечеловеческое мышление. Вместе с тем конкретный и н в е н т а р ь п о н я т и й, осознанных коллективом и устойчиво закрепленных в концептуальных значениях слов, во многом отличается от языка к языку и, в истории одного языка, от эпохи к эпохе. Однако эти различия, вопреки представлениям Сепира и Уорфа, не порождаются языком, а только проявляются в языке. Порождаются

же они непосредственно или опосредованно различиями в общественной практике, в культурно-историческом опыте народов. Так, у лопарей в старину существовал обычай, согласно которому вдова выходила замуж за младшего неженатого брата своего покойного мужа, а вдовец женился на младшей незамужней сестре своей покойной жены; таким образом, младшие дяди со стороны отца были для детей «потенциальными отчимами», а младшие тетки со стороны матери «потенциальными мачехами». Это их особое правовое положение и обусловило закрепление за ними специального слова; теперь обычай этот давно оставлен, по возникшее благодаря ему отдельно обозначение сохранилось и поныне.[4]

Конечно, во многих случаях мы не можем конкретно объяснить различие между языками различиями в общественной практике, но это не меняет дела в принципе. Ведь отражение действительности — не пассивный, а активный процесс. Отражая мир, человек определенным образом систематизирует и моделирует его, в зависимости от своих практических потребностей. К тому же сама многогранность объективной действительности, многообразие признаков предметов и явлений, наличие всесторонних связей между ними дают реальные основания очень по-разному группировать и объединять эти предметы и явления в классы, выдвигая на передний план то один, то другой из признаков. Рука в целом объективно представляет собой известное единство, но вместе с тем кисть руки объективно отличается (по выполняемым функциям и т. д.) от остальной части; пальцы рук и ног объективно имеют сходные черты и так же объективно отличаются друг от друга и т. д. Разные человеческие коллективы могли по-разному сгруппировать данные опыта и соответственно закрепить эту группировку в значениях слов своих языков.

Хотя мы сейчас во многих случаях не можем конкретно объяснить практикой происхождение того или иного различия между языками, мы в принципе знаем, что в филогенезе, т. е. в истории становления и развития человека, человеческого мышления и языка, дело обстояло именно так: общественная практика всегда была здесь первична, а различия между языками — вторичны. Другое дело — в онтогенезе, т. е. в индивидуальном развитии отдельного человека. Рассматривая роль языка в становлении понятийного мышления индивида, мы должны признать, что каждый новый член общества и каждое новое поколение, вступая в жизнь, усваивает знания о мире при посредстве и потому в значительной мере, действительно, через призму родного языка.

Однако и последнее обстоятельство не создает каких-то непроходимых

перегородок между народами. Ведь понятие выражается, как мы знаем, не только с помощью отдельного слова, но и в сочетаниях слов. В английском языке нет слова, соответствующего по значению русскому *сутки*, но то же самое понятие без труда передается словосочетаниями *day and night* 'день и ночь' или *24 hours* '24 часа'. Если, говоря по-английски, нужно разграничить понятия 'голубой' и 'синий', к слову *blue* прибавляют определения *light* 'светлый', или *Cambridge* 'кембриджский' (для голубого) и *dark* 'темный', или *Oxford* 'оксфордский' (для синего).[5] В принципе все переводимо с любого языка на любой другой, и каждая мысль может быть так или иначе выражена на любом языке.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Ю.С. Маслов "Введение в языкознание" Высш. шк. М. 1987 г.
2. Щерба Л.В. «Языковая система и речевая деятельность» М. 1989 г.
3. Гринберл Дж. «Квантитативный подход к морфологической типологии языков» М. 1963 г.
4. Матезиус В.О. «Так называемом актуальном членение предложения» М. 1976 г.
5. Холодович А.А. «Проблема грамматической теории» Л. 1979 г.